

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47), 908, 882 (09)

Дата поступления: 14.06.2022
рецензирования: 15.07.2022
принятия: 28.11.2022

Граф Н.А. Толстой в цикле очерков Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни»

М.А. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: mperepelkin@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

Аннотация: Внимание автора статьи сосредоточено на цикле очерков Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни», первом и одном из ключевых произведений, вместе составляющих «самарский текст». Поскольку очерки Гарина носят биографический характер, за многими выведенными в них персонажами стоят исторические фигуры, реальные лица. Выводя на страницах очерков представителей самарского общества, писатель стремился показать самых ярких и узнаваемых из них. Одним из таких ярких и узнаваемых персонажей, выведенных Гариним, является уездный предводитель дворянства Проскурин, изображая которого писатель сохранил несколько примет, позволяющих безошибочно определить, кто из самарцев стоял за этой фигурой. Тщательно анализируя текст гаринских очерков и исторические документы, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива Самарской области, автор статьи обнаруживает и доказывает, что прототипом Проскурина стал предводитель дворянства Самарского уезда граф Н.А. Толстой, отец писателя А.Н. Толстого. В заключение статьи делается вывод, что портрет графа Толстого, нарисованный Н.Г. Гариним-Михайловским, является ценным с нескольких точек зрения – и как историческое свидетельство о Самаре конца XIX столетия, и как историко-литературный документ, проясняющий некоторые обстоятельства рождения и жизни сына Проскурина-Толстого писателя А.Н. Толстого.

Ключевые слова: Н.Г. Гарин-Михайловский; «В сутолоке провинциальной жизни»; граф Н.А. Толстой; предводитель дворянства; прототип; Самара; «самарский текст».

Цитирование. Перепелкин М.А. Граф Н.А. Толстой в цикле очерков Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 4. С. 38–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-38-45>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Перепелкин М.А., 2022

Михаил Анатольевич Перепелкин – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.06.2022
Revised: 15.07.2022
Accepted: 28.11.2022

Count N.A. Tolstoy in a cycle of essays of N.G. Garin-Mikhailovsky «In the hustle and bustle of provincial life»

M.A. Perepelkin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: mperepelkin@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

Abstract: The attention of the author of the article is focused on the cycle of essays by N. Garin-Mikhailovsky «In the hustle and bustle of provincial life», the first and one of the key works that together make up the «Samara text». Since Garin's essays are biographical in nature, behind many of the characters depicted in them are historical figures, real faces. Displaying on the pages of essays representatives of the Samara society, the writer sought to show the brightest and most recognizable of them. One of such bright and recognizable characters, bred by Garin, is Proskurin, the district marshal of the nobility, depicting whom the writer retained several signs that make it possible to unmistakably determine which Samara citizens were behind this figure. Carefully analyzing the text of Garin's essays and historical documents stored in the funds of the Central State Archive of the Samara Region, the author of the article discovers and proves that the prototype of Proskurin was the leader of the nobility of the Samara district, Count N.A. Tolstoy, the father of the writer A.N. Tolstoy. In conclusion, the article concludes that the portrait of Count Tolstoy, painted by N. Garin-Mikhailovsky, is valuable from several points of view – both as a historical evidence of Samara at the end of the XIX century, and as a historical and literary document that clarifies some of the circumstances of the birth and life of the son of Proskurin-Tolstoy, the writer A.N. Tolstoy.

Key words: N.G. Garin-Mikhailovsky; «In the hustle and bustle of provincial life»; Count N.A. Tolstoy; marshal of the nobility; prototype; Samara; «Samara text».

Citation. Perepelkin M.A. Count N.A. Tolstoy in the cycle of essays by N.G. Garin-Mikhailovsky «In the hustle and bustle of provincial life». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 4, pp. 38–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-38-45>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Perepelkin M.A., 2022

Mikhail A. Perepelkin – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Постановка проблемы

Циклу очерков Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни» принадлежит не самое заметное место в общем контексте гаринского творчества, где его затмевают автобиографическая тетралогия «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты» и «Инженеры», некоторые рассказы, путевые очерки и даже пьесы. Нет поэтому ничего странного в том, что исследователи гаринского творчества или обходят их стороной, или посвящают им совсем немного внимания («в очерках “В сутолоке провинциальной жизни” он по-другому оценивает их деятельность, понимая тщетность усилий “культурных одиночек изменить жизнь”») [Юдина 1969, с. 157], «Гарин обратил внимание читателей на интеллигентных разночинцев – сотрудников газеты, крестьян-самоучек, гостей доктора Колпина» [Гордович 2014, с. 90]).

Однако для культуры Самарского региона и так называемого «самарского текста» этот цикл имеет принципиальное значение, выступая, по замечанию К.А. Селиванова, «в сущности, художественной летописью всей самарской жизни за последнее десятилетие XIX века» [Селиванов 1953, с. 77]. Как справедливо отметил в свое время исследователь, «в ней не только изображена деревня, но и город, “высшее” общество во главе с губернатором, городская интеллигенция, помещики и купцы; подробно описаны выборы губернского предводителя дворянства, строительство Кротовско-Сергиевской железной дороги, сельскохозяйственная выставка, земские собрания» [Селиванов 1953, с. 77]. Именно Гарин предпринял в названном цикле очерков первую или одну из первых попыток дать широкую и многослойную художественную панораму города, выведя на сцену наиболее заметные фигуры и изобразив их характеры, что позволяет нам сегодня видеть в очерках, составивших цикл «В сутолоке провинциальной жизни», не просто одно из проявлений «самарского текста», а такой его компонент, который лежит в самой его основе и уже в силу этого требует особого к себе внимания со стороны исследователей.

Но – как это ни странно – именно это, ключевое для всего «самарского текста», произведение Гарина, над которым он работал не один год, «все оттягивая завершение этого труда» [Миронов 1965, с. 96], до сих пор остается практически не изученным исследователями, которые в лучшем

случае повторяют выводы, сделанные семьдесят лет назад К.А. Селивановым («Изображая в своей хронике живых лиц, Гарин вывел некоторых под их фамилиями, но у большинства персонажей вымышленные имена, легко, впрочем, расшифровывающиеся: В.И. Павлов – В.И. Анненков, сын декабриста, Абрамсон – Я.Л. Тейтель, Антонов – Н.П. Ашешов и др.» [Селиванов 1953, с. 77–78]), а в худшем либо пытаются продолжить этот ряд расшифровываний, ориентируясь, впрочем, в гораздо большей мере на свою интуицию, чем на факты, либо вовсе игнорируют этот гаринское сочинение, видя у истоков «самарского текста», например, фельетоны М. Горького, публиковавшиеся на страницах «Самарской газеты» в 1895–96 гг.¹ Пожалуй, единственной попыткой аргументированной ревизии выводов К.А. Селиванова на сегодняшний день представляется нам работа, проделанная Г.Т. Квантришвили, восстановившим имя одного из прототипов очерков Гарина писателя Ивана Борского (Бухалова) [Квантришвили 2018, с. 177–181].

Необходимость же такой ревизии давно назрела, и тем более оправданной и обещающей быть продуктивной ее делают многочисленные источники, одни из которых были известны и ранее, а другие стали доступными в последние десятилетия. К таким источникам относятся мемуары, письма и некоторые художественные тексты, авторы которых обращаются к тем же событиям, что и Гарин, выводят на их страницах тех же самых людей и т. д., но делают это под несколько иными углами зрения, что позволяет увидеть в гаринских очерках другие оттенки и нюансы, внимание к которым представляется важным шагом к прочтению и пониманию цикла очерков «В сутолоке провинциальной жизни» во всей их глубине и многообразии смыслов.

Ход исследования

Особое место среди персонажей очерков принадлежит персонажу по фамилии Проскурин, играющему одну из ключевых ролей и в цикле очерков в целом, и в ряде отдельных сцен и эпизодов. Именно ему, Проскурину, уделено внимания едва ли не больше, чем всем остальным представителям самарского высшего света вместе взятым. Автор, совершенно не скупясь и то возмущаясь и негодуя, то откровенно любуясь, описывает его внешность, манеры, привычки и характер.

Вот только некоторые из характеристик Проскурина на страницах очерков «В сутолоке провинциальной жизни», принадлежащих как автору, так и другим героям: «...богатый помещик, лет тридцати пяти, из улан, был уездным предводителем и центром своей партии» [Гарин-Михайловский 1958, с. 291], «...являлся полным хозяином своего уезда» [Гарин-Михайловский 1958, с. 292], «всегда в корсете, скрадывавшем его плотную фигуру, с английский пробором, с изнеженными женскими манерами, задорный, надменный и нервный... говорил презрительно» [Гарин-Михайловский 1958, с. 296], «нахал, интриган, но талантлив» [Гарин-Михайловский 1958, с. 307], «талантливый человек» [Гарин-Михайловский 1958, с. 312], «очень влиятельный и сильный» [Гарин-Михайловский 1958, с. 443], «дурак и доносчик» [Гарин-Михайловский 1958, с. 449], «...не был ни дураком, ни доносчиком. Он, как умный агитатор и деловой администратор в своем уезде, сам опирался на прогрессивную партию. И ни в одном уезде не были так хорошо обставлены школа, медицина, статистика, как в его уезде. Проскурина просто надо было интриговать вообще и в частности против нового председателя, а средствами он не привык стесняться. С другой стороны, Проскурин был и архиреакционером. Он как бы стоял одной ногой на Сцилле, другой на Харибде и по мере надобности поднимал то одну, то другую ногу, превращаясь таким образом то в чистого сциллиста, то в отчаянного харибдиста. Это давало ему громадное преимущество...» [Гарин-Михайловский 1958, с. 449], «...он, более талантливый, более способный понимать дух времени, умел прислушиваться к тому, что ему говорили, и громко в собрании потом повторял так это, что нередко производил впечатление человека образованного, с широкими горизонтами» [Гарин-Михайловский 1958, с. 449–450], «...из землевладельцев только один Проскурин сдержал свое обещание и не взял за землю» [Гарин-Михайловский 1958, с. 493].

Среди характеристик Проскурина подчеркнем три, дающие, на наш взгляд, основания для того, чтобы достаточно точно указать на реальное историческое лицо, изображенное Гариным в образе Проскурина: он – «предводитель уезда, первого по счету» [Гарин-Михайловский 1958, с. 294], который «являлся бы в случае смерти <губернского предводителя. – М. П.> заместителем старого предводителя» [Гарин-Михайловский 1958, с. 294], и у него есть конезавод («Проскурин со своей партией был в буфете и, сидя сам на столе, рассказывал что-то о бабках лошадей своего завода» [Гарин-Михайловский 1958, с. 445]).

Перечисленные характеристики позволяют выдвинуть версию о возможном прототипе, с которого был «срисован» гаринский герой.

«Первым по счету» в Самарской губернии был одноименный, Самарский, уезд, предводителем дворянства которого в течение очень многих лет, включая период с 1886 по 1896 год, был гвардии

поручик, граф Николай Александрович Толстой. Родившийся в ноябре 1849 года, вначале 1887-го он в самом деле был почти что тридцатипятилетним. Сын подпоручика графа А.П. Толстого и богатой помещицы А.В. Толстой (урожденной Устиновой), он окончил Николаевское кавалерийское училище, после чего был произведен в корнеты и служил в лейб-гвардии Гусарском полку (у Гарина – «из улан»), откуда был исключен за «буйный» характер и лишен права жить в обеих столицах. В 1873 году, поселившись в Самарской губернии, женился на А.Л. Тургеневой, вскоре после чего публично оскорбил самарского губернатора Ф. Климова и был выслан в Кинешму под надзор полиции. Благодаря хлопотам высокопоставленных родственников пробыл в ссылке лишь полгода, после чего вернулся в Самару, а в 1881 году был впервые избран уездным предводителем дворянства и занимал этот пост шесть трехлетних сроков кряду. Много ярких и не всегда лестных характеристик графа содержится в письмах сбежавшей от него в 1882 году к любовнику жены – графини А.Л. Толстой, матери писателя А.Н. Толстого, большая часть из которых не опубликована и хранится в двух архивах – самарском (СЛМ. Фонд А.Н. Толстого) и московском (ОР ИМЛИ. Фонд 43). Вместе с тем нельзя отрицать и того обстоятельства, которое автор очерков называет «талантом» Проскурина: здесь и восемнадцать лет по главе «первого по счету» уезда, и блестящие карьеры его сыновей – Александра и Мстислава, и стремление самарских сановников заполучить графа в союзники или даже породниться с ним (один из сыновей Н.А. Толстого, Мстислав, был женат на приемной дочери самарского губернатора А.С. Брянчанинова).

Что касается кончины «старого предводителя» и его замещения, то здесь мы можем сослаться на материалы двух дел, обнаруженных нами в фондах ЦГАСО. Первое из этих дел, «Дело канцелярии Самарского губернатора, 2-го стола, о выборе кандидатов на должность самарского губернского предводителя дворянства и об открытии по сему предмету 12 сентября 1891 года чрезвычайного губернского собрания дворянства», было начато 7 мая 1891 года (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 41); второе – «Дело канцелярии Самарского губернатора по отношению графа Николая Александровича Толстого об отказе от исправления должности губернского предводителя дворянства» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 43), начатое 30 июня 1891 года.

Существование обоих названных дел заключалось в следующем. 7 мая 1891 года исправляющий должность губернского предводителя дворянства после кончины «старого предводителя» Г.С. Аксакова граф Н.А. Толстой обратился к самарскому губернатору с ходатайством о проведении новых выборов губернского предводителя «до истечения трехлетнего срока, в особом чрезвычайном собрании дворянства Самарской губернии» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 41. Л. 1). К этому ходатайству было

приложено «Постановление гг. предводителей и депутатов дворянства Самарской губернии» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 41. Л. 2–3) от 2 мая 1891 года с аналогичной просьбой. 24 мая министр внутренних дел поставил самарского губернатора в известность о согласии императора на проведение чрезвычайного самарского губернского дворянского собрания для выбора кандидатов на должность местного губернского предводителя дворянства (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 41. Л. 5). Губернатор сообщил об этом Толстому, а Толстой в ответном письме обратился с просьбой назначить выборы на 12 сентября 1891 года (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 41. Л. 8–8 об.).

А вот дальше, по всей видимости, началась некая игра, понять все ходы и механизмы которой представляется затруднительным, но сделать некоторые шаги в направлении такого понимания мы вправе. 30 июня Толстой вновь обратился к губернатору с «покорнейшей просьбой... допустить вместо меня к исправлению означенной должности одного из гг. уездных предводителей дворянства <...>, после чего считать меня вступившим в должность Самарского уездного предводителя дворянства» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 43. Л. 2). Уже на следующий день, не дождавшись ответа губернатора, Толстой повторил свою просьбу, прибавив к ней, что «кроме домашних обстоятельств и болезненное состояние мое не позволяет мне долее исполнять обязанности губернского предводителя дворянства» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 43. Л. 4).

Но и это еще не все: прошел один день, и уже 2 июля граф Толстой обратился к губернатору сразу с двумя письмами, содержащими взаимоисключающие сведения. Согласно первому из них, зарегистрированному под номером 562, граф уведомлял господина губернатора о том, что он «почувствовал облегчение от болезни и вступил в исправление обязанностей губернского предводителя» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 43. Л. 6), а уже в следующем, за номером 563, сообщал, что «хотя и вступил в отправление должности», но ходатайствует «об испрошении разрешения <...> сдать должность губернского предводителя дворянства другому уездному предводителю» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 43. Л. 7).

Получив все эти обращения, самарский губернатор поставил о них в известность министра внутренних дел, вместе с тем уведомив его о том, что «мною предложено вступить в исправление должности Самарского губернского предводителя дворянства Ставропольскому уездному предводителю г. Тургеневу» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 43. Л. 5–5 об.). Однако и ставропольский уездный предводитель Л.Б. Тургенев (к слову, недавний тесть графа Н.А. Толстого, отец бывшей жены последнего А.Л. Толстой, урожденной Тургеновой) от исправления должности губернского предводителя отказался «в виду усиленного лихорадочного состояния» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 43. Л. 16),

о чем он и поставил в известность самарского губернатора. Тогда губернатор обратился еще к одному уездному предводителю – возглавлявшему Бугурусланское дворянство А.А. Чемодурову (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 43. Л. 15), который и вступил в должность 15 июля, поставив об этом в известность начальника губернии (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 43. Л. 17), а последний – министра внутренних дел (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 43. Л. 18). Однако уже пять дней спустя, 20 июля, граф Толстой сообщил, что он «почувствовал облегчение болезни» и «вступает в должность губернского предводителя» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 43. Л. 19, 21).

Нельзя, разумеется, исключать того, что причиной всех этих ходатайств и возвращений его сиятельства к исправлению должности предводителя была болезнь, о которой он и сообщал губернатору. Но что если дело было все-таки совсем не в ней? С какой целью в этом случае граф то оставлял должность губернского предводителя, то вновь возвращался к исправлению обязанностей дворянского начальника? Возможно, причина заключалась как раз в том, о чем недвусмысленно пишет в очерках Гарин, свидетельствующий о том, что еще до кончины «старого предводителя» дворянское общество было взволновано «сенсационными слухами о том, что Проскурин будет баллотироваться в губернские предводители» [Гарин-Михайловский 1958, с. 293], но впоследствии, видимо, рассчитав и взвесив свои шансы, «от губернского отказался» [Гарин-Михайловский 1958, с. 305]. Выскажем предположение, что и в реальной ситуации, сложившейся в самарском дворянстве после кончины «старого предводителя», имело место нечто подобное: то вступая в должность, то отказываясь от нее, граф Толстой прощупывал свои шансы на успех в решающей борьбе за место губернского предводителя, проверяя, кто бы мог составить ему на сентябрьских выборах конкуренцию и сможет ли этот конкурент оказаться настолько сильным, чтобы противостоять в борьбе с ним.

О том, чем закончилось это противостояние, мы можем узнать как из документов, сохранившихся в архиве, так и из очерков «В сутолоке провинциальной жизни». Согласно первым, самарские дворяне предложили на должность губернского предводителя две кандидатуры – гг. Осоргина и Наумова (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 41. Л. 25), а «государь император из двух избранных дворянством Самарской губернии кандидатов <...> высочайше соизволил утвердить в этой должности земского начальника 1-го участка Бузулукского уезда, отставного штабс-ротмистра Александра Осоргина» (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 41. Л. 27–27 об.); Толстой же вернулся к обязанностям самарского уездного предводителя (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 41. Л. 22). Что касается версии очерков, то, как уже указывалось выше, «помирились все партии на том, чтобы выбрать безобидного» [Гарин-Михайловский 1958, с. 340], которым и стал «никому

не нужный дворянин Павел Иванович Апраксин» [Гарин-Михайловский 1958, с. 340].

Третье, хоть и несколько более частное обстоятельство связано, как уже отмечалось выше, с фактом, о котором в очерках говорится, в общем, походя, но тем не менее Гарин не прошел и не мог пройти мимо и этого обстоятельства тоже. Это обстоятельство – конезавод графа, пользовавшийся в губернии известностью по целому ряду причин, одной из которых также сделался скандал, вызванный «буйным» характером его сиятельства.

Обстоятельства этого скандала оказались отражены еще в одном «Деле канцелярии самарского губернатора, 3 стола». На этот раз дело развивалось примерно следующим образом.

8 июня 1897 года управляющий имением графа Толстого А. Кузнецов от имени экономической конторы означенного имения обратился в Самарскую уездную земскую управу с просьбой «выслать в имение при сельце Александровке ветеринарного врача для осмотра скота, принадлежащего графу Толстому». Получив это обращение, исполняющий обязанности председателя управы Чернышов переслал эту просьбу ветеринарному врачу 1-го участка Короткевичу, который в свою очередь сообщил, что «имение графа Толстого при сельце Александровке принадлежит ко 2-му участку, заведываемому ветеринаром Зуевым», а стало быть, это ему, Зуеву, и надлежит отправляться к графу осматривать его скот. Несколько запутавшись, видимо, в разграничении обязанностей ветеринаров, Чернышов отправил к графу ветеринара уездного земства Вольферца, который и осмотрел весь скот, придя к выводу, что «рогатый скот здоров, а вот у некоторых лошадей (трех рабочих и у большей части отдельного косяка, в котором находятся племенные матки) мною заподозрен сап». «Посему на основании выше сказанного мною сообщено ветеринару 2-го участка о подозрении существования в имении графа Толстого сапа и необходимости точного диагноза путем бактериологических исследований, – резюмировал Вольферц в своем письме в уездную управу от 14 июня 1897 года, – и для принятия в случае подтверждения заподозренного надлежащих мер».

Прошло три месяца, и на дворе был уже октябрь этого же, 97-го года, когда лаборант ветеринарно-бактериологической лаборатории Самарского губернского земства Здановский сообщил уже знакомому нам Вольферцу, что «носового истечения от лошадей, принадлежащих графу Толстому, для бактериологического исследования на сап в лабораторию не поступало». На следующий день ветеринар Самарского губернского земства Кнорринг, видимо, предварительно связавшийся с графом Толстым и получивший от него ответ относительно своих действий, касающихся бактериологического исследования «носового истечения от лошадей», обратился с телеграммой в Казань, прося сообщить, поступала означенная слизь или не поступала. Увы, ответ на этот вопрос был от-

рицательным: нет, никакой слизи из имения графа Толстого для исследования не поступало.

Все эти обстоятельства председатель Самарской уездной земской управы и изложил в своем обращении к самарскому губернатору 31 октября 1897 года. Но прежде, чем губернатор успел отреагировать на это обращение, граф Толстой сделал обычный для него ход конем, обратившись с «прошением», в котором просил уволить его с должности Самарского уездного предводителя дворянства «по домашним обстоятельствам». Губернатор наложил на это прошение следующую резолюцию: «Согласно личной просьбе оставить без движения до окончания призыва новобранцев», а сам тем временем обратился к министру внутренних дел с письмом, в котором подробно изложил все обстоятельства дела, от себя добавив подробности инцидента, имевшего место на очередном уездном земском собрании, только что закончившем свою работу в Самаре:

«Когда на означенном собрании, между прочим, прочитан был доклад управы о разрешении израсходовать оставшиеся по смете из жалованья ветеринарного врача за 1897 год 500 рублей на инструменты, председатель собрания граф Толстой заявил собранию, что расходы на ветеринарию он признает совершенно излишними в силу существования губернских земских ветеринаров. На это некоторые гласные возразили, что обязанности ветеринаров губернского земства точно определены: они должны принимать ветеринарно-полицейские меры по прекращению эпизоотий, а лечение sporadических случаев на их обязанности не лежит и что нужда в ветеринаре уездного земства, несомненно, существует, так как у уездного земства имеется форма и т. п. Причем гласный член управы <Н. Е.> Кнорринг заявил, что собрание прошлого года, рассмотрев нужды уездной ветеринарии, признало необходимым иметь ветеринара. На таковое заявление Кнорринга граф Толстой возразил, что “вся ветеринария устроена в уезде для Вашего сына”. Далее граф Толстой, не обращая внимания на представленное гласными замечание, что нельзя же уничтожать самый институт ветеринаров ради только того, что данный состав их неудовлетворителен, продолжал: “Я сам кое-что понимаю в ветеринарии и заявляю, что он (намекая на ветеринара Вольферца) поступил как мальчишка, невежа и дармоед, на которого не стоит терять земские деньги, а потому предлагаю уволить ветеринарного врача”. Далее граф Толстой продолжал: “Управа назначает слишком молодых и неопытных людей, которые и проявили свою неопытность в моем имении. В моем имении нашли сап, довели до сведения губернского земства, произвели много шума, а в результате, по бактериологическом исследовании в Казани, никакого сапа не оказалось, а между тем управа потребовала убрать из моего имения племенного жеребца”. На это гласный Кнорринг заметил, что слизь не была исследована, а гласный Слободчиков, к мне-

нию которого присоединился и губернский врач-инспектор, продолжал настаивать на необходимости ветеринара для уездного земства. Тогда граф Толстой с видимой иронией заявил собранию, что из прений выяснилось, что действительно ощущается нужда в ветеринарах, но тогда необходимо учредить двух ветеринаров: одного в северной части, а другого – в южной. Собрание постановило: учредить двух ветеринаров <...> Граф Толстой, озадаченный столь неожиданным для него оборотом дела, обратившись к собранию, сказал, что он все-таки настаивает на удалении ветеринарного врача, так как, если у него, крупного землевладельца и предводителя дворянства, имеющего конский завод, проделываются такие вещи, можно себе представить, что делают они в других имениях, а потому не стоит иметь таких неопытных людей. Гласный Кнорринг возразил, что уездный ветеринар – честнейший человек и знающий свое дело, что может подтвердить все собрание. Граф Толстой обратился к собранию с просьбой все-таки удалить ветеринарного врача, причем сказал, что “он просит собрание сделать это в личное одолжение ему, председателю собрания и предводителю дворянства, который восемнадцать лет служит земству”. “Не стоит, – заключил граф Толстой, – держать такого ветеринара, который не знает своих обязанностей и позволяет себе утверждать о сапе, которого не было”. Гласный Кнорринг вновь заявил, что слизь не была исследована, граф Толстой возразил, что слизь была исследована. На это Кнорринг ответил: “Неправда, Ваше сиятельство, слизь не была исследована”. Граф Толстой сказал: “Значит, я лгу?” Кнорринг отвечал: “Я только утверждаю, что слизь не была исследована”. Тогда граф Толстой заявил собранию, что так как гласный Кнорринг позволил себе назвать его, председателя собрания, лгуном и нанес ему публичное оскорбление, то посему он, граф Толстой, отказывается от звания председателя собрания и закрывает собрание».

Дальше дело обстояло следующим образом. На другой день земское собрание возобновило свою работу под председательством уже другого депутата. И член управы Кнорринг извинился перед собранием, заметив, что он «позволил себе, может быть, несколько резкое выражение по адресу господина председателя собрания графа Толстого». Собрание в свою очередь «под давлением некоторых гласных, находящихся в материальной зависимости от графа Толстого, признало необходимым избрать депутацию, поручив таковой выразить графу Толстому крайнее сожаление по поводу происшедшего инцидента и просить его не покидать обязанностей председателя собрания и уездного предводителя дворянства». Граф же Толстой «категорически отверг извинения Кнорринга и сказал, что он тогда только сочтет себя удовлетворенным и возвратится к исполнению своих обязанностей, если Кнорринг откажется от звания гласного и от должности члена управы», на что Кнорринг «согласия не изъявил и выразил

желание дослужить свой срок». На следующий день председатель собрания доложил об ответе графа, но собрание, «не считая себя вправе входить в обсуждение настоящего дела по существу, признало вопрос исчерпанным».

Дело, однако, этим не окончилось, и отчет об инциденте между графом Толстым и Кноррингом поместила на своих страницах «Самарская газета», что заставило министра внутренних дел вновь вступить в конфиденциальную переписку с самарским губернатором: министр настаивал на подробностях, самарский губернатор же как мог старался о подробностях не сообщать, ссылаясь на лаконизм отчетов и т. п. 2 декабря из Петербурга сообщили, что не видят никаких препятствий к удовлетворению ходатайства графа Толстого об увольнении его согласно прошению от занимаемой должности. Губернатор поставил о том же в известность самого графа, от себя добавив, что «если Вы, вопреки поданному Вами прошению об отставке и выраженному господином министром внутренних дел мнению, пожелаете продолжить службу в должности Самарского уездного предводителя дворянства, то имеете войти ко мне об этом особым прошением». И граф... вошел – именно с таким «особым прошением», которое начиналось упоминанием о «расстроенном здоровье и других причинах, сделавших затруднительным дальнейшее продолжение службы», но «настойчивые просьбы господ дворян предводительствуемого уезда, – писал он далее, – вынуждают меня еще остаться известное время Самарским уездным предводителем дворянства, почему имею честь просить возвратить мне поданное мною прошение об увольнении меня от службы».

Итак, на этот раз «ход конем», предпринятый графом Толстым, снова не удался, но, как мы видели из сказанного выше, он не был ни первым, ни последним, ибо, если верна наша версия о том, что граф Толстой и Проскурин в очерках Гарина – это одно и то же лицо, то объяснить его поведение лучше, чем это сделал автор очерков «В сутолоке провинциальной жизни», пожалуй, было бы весьма затруднительно: ему «просто надо было интриговать вообще и в частности <...>, а средствами он не привык стесняться» [Гарин-Михайловский 1958, с. 449]².

Заключение

Итак, если наши соображения верны и на страницах очерков под именем Проскурина Н.Г. Гарин-Михайловский в самом деле имел в виду графа Н.А. Толстого, дает ли это что-то истории Самары, «самарскому тексту» и, может быть, биографу сына прототипа гаринского персонажа – писателя А.Н. Толстого? С нашей точки зрения, ответ на этот вопрос может быть только положительным: безусловно, дает, и дает многое.

Портрет графа Толстого, нарисованный Н.Г. Гарин-Михайловским, является ценным с нескольких точек зрения – и как историческое сви-

детельство о Самаре конца XIX столетия, и как историко-литературный документ, проясняющий некоторые обстоятельства рождения и жизни сына Проскурина-Толстого писателя А.Н. Толстого. Если говорить о Самаре конца XIX века и ее дворянском обществе, Проскурин-Толстой делает наше представление об этом обществе полноценным, объемным, лишенным схематизма: каждый из тех, кто это общество составлял, был живым человеком со своим характером, своими плюсами и минусами, наконец со своими целями, путь к которым не всегда был прямым и гладким, подразумевал в том числе и интриги, которых не гнушался, как показал автор очерков, граф Толстой. Не меньшее значение портрет, нарисованный Гариным, имеет и для истории литературы и, в частности, для биографов А.Н. Толстого. До сих пор представление об отце писателя оставалось глав-

ным образом, представлением, сформированным Ю.М. Оклянским в его книге «Шумное захолюстье»: «Он был влюбленным мужчиной, обманутым мужем, отцом семейства, честолюбивым общественным деятелем и т. п. Разные стороны натуры и черты характера составляют единство, именуемое человеческой личностью» [Оклянский 1982, с. 46]. Нет спора, талантливый журналист и писатель Ю.М. Оклянский многое угадал в характере графа, многое ему подсказали архивные документы и сохранившаяся семейная переписка графа с женой, А.Л. Толстой, но и в этом случае еще одно свидетельство незаинтересованного лица, каким был Гарин, совсем не является лишним, и биографы писателя А.Н. Толстого, познакомившись с гаринским Проскуриным, могут сделать свои выводы об обстоятельствах рождения и жизни сына графа Н.А. Толстого.

Примечания

¹ Подчеркнем, что если хронологически последнее обстоятельство не так уж и ошибочно (в гаринских очерках изображается примерно тот же самый период – с 1886 по 1896 годы, а опубликован цикл очерков Н.Г. Гарина-Михайловского был и вовсе в 1900 году), то в художественном смысле просчет очевиден: тогда как фельетоны М. Горького представляют собой разрозненные зарисовки, не ставящие целью дать общую панораму городской жизни, Гарин стремился именно к этому; и именно эта панорама и позволяет видеть в цикле очерков «В сутолоке провинциальной жизни» сочинение, в котором берет свои истоки «самарский текст».

² Заметим, что примерно так же объясняет мотивы поведения уже не вымышленного Проскурина, а реального графа Толстого и А.Н. Наумов, пишущий о том, что часто «ко всему этому примешивались ловкие интриги со стороны <...> вечно мечтавшего попасть в Губернские Предводители – графа Н.А. Толстого, Самарского Уездного Предводителя, запросто вхожего к Брянчанинову и нарочито путавшего все карты для достижения своих заветных целей» [Наумов 1954, с. 245].

Материалы исследования

ОР ИМЛИ – Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

СЛМ – Самарский литературно-мемориальный музей имени М. Горького.

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области.

Библиографический список

- Галяшин 1979 – *Галяшин А.А.* Гарин-Михайловский в Самарской губернии. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1979. 120 с.
- Гарин-Михайловский 1958 – *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собрание сочинений: в пяти томах. Т. 4. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=179927&p=1>.
- Гарин-Михайловский 1983 – *Н.Г. Гарин-Михайловский* в воспоминаниях современников / сост. И.М. Юдина. Новосибирск, 1983.
- Гордович 1984 – *Гордович К.Д.* Н.Г. Гарин-Михайловский и писатели-современники. Хабаровск, 1984.
- Гордович 2014 – *Гордович К.Д.* Н.Г. Гарин-Михайловский: личность и творчество. Санкт-Петербург: Петроний, 2014. 312 с.
- Квантришвили 2018 – *Квантришвили Г.* «На писательство у нас смотрят косо...». Писатель Иван Борский (Иван Алексеевич Бухалов) // *Волга (Саратов)*. 2018. № 3–4. С. 177–181. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2018/3-4#>.
- Миронов 1965 – *Миронов Г.М.* Поэт нетерпеливого созидания. Н.Г. Гарин-Михайловский. Жизнь. Творчество. Общественная деятельность. Москва: Наука, 1965. 160 с.
- Наумов 1954 – *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк: Издание А.К. Наумовой и О.А. Кусевицкой, 1954. URL: https://vk.com/wall302774175_2860.
- Оклянский 1982 – *Оклянский Ю.М.* Шумное захолюстье. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1982. 235 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/tu/O/oklyanskij-yurij-mihajlovich/ostavshiesya-v-teni/2>.

Селиванов 1953 – *Селиванов К.А.* Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1953. 160 с.

Юдина 1969 – *Юдина И.М.* Н.Г. Гарин-Михайловский: Жизнь и литературно-общественная деятельность. Ленинград: Наука, 1969. 238 с.

References

Galyashin 1979 – *Galyashin A.* (1979) Garin-Mikhailovsky in the Samara province. Kuibyshev: Kujbyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 120 p. (In Russ.)

Garin-Mikhailovsky 1958 – *Garin-Mikhailovsky N.G.* (1958) Collected works: in five volumes. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 724 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=179927&p=1>. (In Russ.)

Garin-Mikhailovsky 1983 – *Yudina I.M.* (1983) N.G. Garin-Mikhailovsky in the memoirs of contemporaries. Novosibirsk, pp. 140–141. (In Russ.)

Gordovich 1984 – *Gordovich K.N.* (1984) Garin-Mikhailovsky and contemporary writers. Khabarovsk. (In Russ.)

Gordovich 2014 – *Gordovich K.N.* (2014) Garin-Mikhailovsky: personality and creative work. Saint Petersburg: Petronii, 312 p. (In Russ.)

Kvantrishvili 2018 – *Kvantrishvili G.* (2018) «We look askance at writing...». Writer Ivan Borsky (Ivan Alekseevich Bukhalov). *Volga (Saratov)*, no. 3–4, pp. 177–181. Available at: <https://magazines.gorky.media/volga/2018/3-4#>. (In Russ.)

Mironov 1965 – *Mironov G.M.* (1965) Poet of impatient creation. N. Garin-Mikhailovsky. Life. Creative work. Social activity. Moscow: Nauka, 160 p. (In Russ.)

Naumov 1954 – *Naumov A.N.* (1954) From the surviving memories. New York: Izdanie A.K. Naumovoi i O.A. Kusevitskoi. Available at: https://vk.com/wall302774175_2860. (In Russ.)

Oklyansky 1982 – *Oklyansky Yu.M.* (1982) Noisy outback. Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 235 p. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/O/oklyanskij-yurij-mihajlovich/ostavshiesya-v-teni/2>. (In Russ.)

Selivanov 1953 – *Selivanov K.A.* (1953) Russian writers in Samara and Samara province. Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 160 p. (In Russ.)

Yudina 1969 – *Yudina I.M.* (1969) N.G. Garin-Mikhailovsky: Life and literary and social activities. Leningrad: Nauka, 238 p. (In Russ.)